

РАЗДЕЛ II. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Гаврилов А.Ю.

ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ В ОЦЕНКАХ МЕНЬШЕВИКОВ-ЭМИГРАНТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕНЬШЕВИСТСКОЙ ПЕЧАТИ)*

Аннотация: Статья посвящена актуальной в научном и общественном плане теме – оценкам политики военного коммунизма, представленным на страницах меньшевизма эмигрантских изданий. В данном исследовании проанализированы статьи, опубликованные, главным образом, в «Социалистическом вестнике», а также в «Заре» в начале 1920-х гг. в условиях, когда военный коммунизм себя изжил и начал заменяться НЭПом. Работа содержит оценку меньшевиками-эмигрантами военного коммунизма как экономической и социальной утопии, приведшей Россию в указанный период к хозяйственному развалу. Отмечается, что при этом меньшевики продолжали позиционировать себя в качестве противников насильственного свержения ослабленной военным коммунизмом Советской власти.

Ключевые слова: публицистика, большевистская диктатура, военный коммунизм, утопический режим, меньшевики-эмигранты.

В 1917 г. Россия совершила крутой поворот в социально-экономическом, политическом и духовном отношении. От монархической государственности и сословного общественного строя страна проделала путь через короткий период либеральной демократии к установленной большевиками диктатуре пролетариата, фактически выразившейся во всевластии РКП(б). Меньшевиков, длительный период являвшихся соратниками, а затем и внутрипартийными оппонентами большевиков в РСДРП, подобный итог российских революций первой четверти XX века, в которых они принимали активное участие, явно не устраивал. Вместо монархического государственного режима, против которого меньшевики активно боролись с момента создания социал-демократической партии совместно с большевиками, они, как и вся Россия, получили созданный их вчерашними однопартийцами режим политической диктатуры. Этот режим был значительно жестче царского, который до определенной степени допускал оппозиционность в обществе.

Взявшие в конце 1917г. государственную власть большевики, немного укрепившись, беспощадно раздавили в корне всю оппозицию, устранив таким способом любые препятствия для быстрого и решительного проведения собственного политического и социально-экономического курса. Несмотря на наличие значительного количества недовольных подобным развитием событий в стране, большевики с самого начала своего пребывания у власти получили за счет применения радикальных, неоякобинских мер, быстро разрубавших узлы застарелых общественных противоречий, поддержку широких слоев малообеспеченного и малообразованного населения.

---

* © Гаврилов А.Ю.

Помимо беднейшего крестьянства их основной социальной базой оставался рабочий класс, от имени которого большевики выступали.

Будучи изначально ориентированными на пролетариат, меньшевики в период Гражданской войны в России оказались в очень сложном политическом положении. С одной стороны, они не могли активно встать на сторону контрреволюции и поддерживать вчерашних царских генералов в вооруженной борьбе против большевиков, с которыми их связывала единая идейная основа и общее революционное прошлое. К тому же, это означало бы оттолкнуть от себя массу рабочих – свою социальную базу. С другой стороны, согласиться со всем тем, что делали большевики, меньшевики однозначно не могли. Ведь, борясь за социализм, большевики отринули демократию в том либеральном, общепризнанном варианте, без которого меньшевики не могли бы оставаться социал-демократами.

В этих условиях, поняв бесперспективность и безрезультатность дальнейшей политической деятельности в России, а также не желая оказаться в роли жертв политических репрессий со стороны большевиков, многие видные теоретики и лидеры меньшевизма вновь покинули страну, переместившись в Западную Европу. Они, находясь в эмиграции, пристально следили за тем, что происходило на родине и публиковали статьи, содержавшие оценку происходящего, в журналах «Социалистический вестник» (сторонники Ю. Мартова) и «Заря» (правые меньшевики-«плехановцы», идейным вдохновителем которых после смерти в 1918 г. первого русского марксиста стала его соратница, ветеран революционного движения в России В. Засулич). Интересной с научной точки зрения является оценка меньшевиками-эмигрантами в указанный период политики военного коммунизма, которую проводила большевистская государственная власть в России на протяжении почти всей Гражданской войны, с середины 1918 г. по март 1921 г.

К февралю 1921 г. для меньшевиков, сплотившихся вокруг журнала «Социалистический вестник», было очевидно, что «большевистская диктатура не создала в России социалистического производства». Хозяйство страны разваливалось, так как невысокий уровень развития производства и экономики в целом с самого начала очертил узкие границы для возможностей социализма. А созданная большевиками бюрократическая и карательная система не позволила быстро укрепить оставшийся от царской России потенциал промышленного развития. Тем не менее, в условиях Гражданской войны и экономической разрухи большевистская диктатура сумела продержаться целых три года потому, что наряду с «проводившейся упорно утопической задачей», творилось и «нужное дело». Во-первых, новая власть охраняла приобретенную крестьянами землю. Во-вторых, она создает советское чиновничество – по сути, новый мелкобуржуазный городской слой, который «сковывает обручем государственной организации атомизированную деревенскую стомиллионную Россию». Более того, именно в лице советского чиновничества, по мнению редакции журнала, создавалась новая «городская демократия», формирующая социальную базу «новой России». Тем самым историческая роль диктатуры большевиков сводилась к завоеванию «новой городской и сельской демократией нового положения в революционизированном сверху донизу обществе». Так как в этом отношении большевистская власть быстро приближалась к «апогею своих успехов», то меньшевистские публицисты писали о признаках «увядания этой диктатуры» и внутреннем разложении правящей партии [11, 1-2].

Вся политика большевиков со времени Октябрьской революции 1917 г. представлялась меньшевикам «сплошной попыткой обмануть историю» в их стремлении «насадить законченный коммунистический строй ... в стране, в которой 80% насе-

ления представляет собой сплошную крестьянскую массу» [14, 4]. Большевистская политика, указывали меньшевистские публицисты, была построена на представлении о возможности немедленного и полного осуществления социализма, «проникнута утопической верой в то, что вся задача заключается в немедленном проведении непременно самой полной национализации, самой полной монополии, самого полного огосударствления» [1, 4-5]. Но при этом большевики своей аграрной и продовольственной политикой три года убивали у крестьян всякий стимул к повышению производительности земледелия. Это было обусловлено стремлением превратить крестьянина в «прикрепленного к земле пролетария, производящего прибавочную стоимость», которую присваивает государство, чтобы на нее содержать Красную армию – «орудие сохранения власти и рычаг мировой революции». Тогда как экономический кризис, по мнению меньшевиков, мог быть преодолен «только такой политикой, в основу которой положено поднятие производительности русского земледелия» [15, 1].

Р. Абрамович выступил против попыток большевистских вождей объявить политику военного коммунизма сознательным и обдуманым отступлением от некоей правильной линии под давлением внешних обстоятельств, обращая внимание на то, что до марта 1921 г. об этом не было сказано ни слова. Наоборот, советские руководители утверждали, что их политика является «единственно социалистической» и «истинно коммунистической». Абрамович не видел оснований объяснять военный коммунизм саботажем имущих классов (Ларин) или военной необходимостью (Ленин). Большевики, по его твердому убеждению, подчинились не военной необходимости, а психологии солдата, сосредоточившись всецело на потреблении и не заботясь о производстве в городе и деревне. Интересы войны, на взгляд Абрамовича, не требовали разверстки, монополии, политики Наркомпрода, реквизиций, комбедов и продотрядов. Наоборот, именно эта политика «гнала крестьян в объятия Деникина и Врангеля». Автор критиковал и заявления об эффективности разверстки при отсутствии якобы товаров для обмена: ведь старых запасов, экспроприированных в 1917-1918 гг., хватило на 3 года. Кроме того, расцвет наркомпродовщины и милитаризации пришелся на конец 1920 – начало 1921 гг., то есть на фактически на наступавший послевоенный период. Не был военный коммунизм и навязан извне. Эта политика, по убеждению Абрамовича, диктовалась интересами партийной диктатуры и бюрократии [2, 5-7].

Аналогично и Д. Далин характеризовал коммунизм как систему коллективизма, «которая рождается из насильственного разрушения капиталистического хозяйства и почти не допускает переходных мер». Для него визитная карточка коммунизма в политике – необходимость «партийной диктатуры и подавления всяких свобод» [4, 2]. Для Ю. Мартова, большевистская диктатура как «небывалая в истории государственная организация», требовалась, чтобы заложить основы коммунистического строя в стране, где пролетариат составлял «ничтожное меньшинство населения». Это был «нажим» с целью преодоления исторической инерции социальной среды. Но при этом диктатура выражала стихийные настроения пролетариата и отчасти других малоимущих слоев городского населения в пользу немедленного устранения социального неравенства [7, 3]. Более того, по мнению редакции «Социалистического вестника», в советской России никогда не было настоящей диктатуры пролетариата, а «была и есть диктатура партии над пролетариатом». Конечно, было и привилегированное социальное положение пролетариата, но на фазе экономической разрухи привилегированность свелась к положению «наименее голодного среди голодных» [13, 1]. Такова была социальная цена попыток воплощения коммунистической утопии в реальность.

Как же виделась меньшевикам судьба российской революции на пике «военно-

го коммунизма». Прежде всего, они считали поражение революции извне маловероятным в силу того, что «крестовый поход» против большевизма потерпел поражение. Маловероятным, по их мнению, было и стихийное антигородское выступление крестьянства. Впрочем, меньшевиками не исключалась возможность того, что если это движение примет размах «всероссийской махновщины», то большевистская диктатура не сможет удержаться. Но это таило в себе опасность, так как открывало путь контрреволюционной диктатуре. В свою очередь, восстание против утопической политики внутри самой партии и бюрократии привело бы к «власти олигархии собственности и новых социальных привилегий». Объективная возможность выйти из кризиса виделась (старый меньшевистский тезис) в победе социализма в передовых странах Запада. Кроме того, наличность «хотя и ослабленного, полупролетариата крупной индустрии» создавала фактор, способный, по мнению меньшевистской эмиграции, помешать социальному торжеству «старой и новой буржуазии и антидемократических олигархических государственных форм» при ликвидации большевистской диктатуры [11, 2].

Редакция «Социалистического вестника» в своих оценках исходила из очевидной связи между отказом от системы террора, коренным изменением «курса политики в сторону возвращения к «свободам» и к самодеятельности масс», «оздоровлением» государственного аппарата и, соответственно, – успешным экономическим созиданием. Но, как полагали меньшевики, коммунисты, обеспокоенные сохранением своей партии у власти, не хотели видеть этой связи [16, 3]. И получили в ответ «грозное предостережение» в качестве восстания в Кронштадте, которое в меньшевистской печати оценивалось как движение, направленное не против революции и власти трудящихся, а лишь против коммунистического правительства. Причиной восстания меньшевики считали экономическое банкротство большевистского режима, вылившееся в «неслыханный топливный, транспортный и продовольственный кризис». Выход из кризисного положения, помимо разрыва со всей предыдущей политикой, виделся в соглашении «с другими социалистическими партиями на основе утверждения власти трудящихся» [3, 1-2]. А главным уроком Кронштадта признавалась «инициатива решительной борьбы с установившимся режимом, исходящая от тех самых масс, которые до сих пор были оплотом большевизма» [6, 3].

Склонный к левым иллюзиям Мартов одним из первых обратил внимание на парадоксальность российской ситуации, когда «начало ликвидации утопического режима взяла на себя сама диктатура, установившая этот режим». Если в 1917-1920 гг. большевистская диктатура выражала «утопическое стремление значительной части пролетариата к немедленному установлению социального равенства», то с 1921 г. она, наоборот, с этим стала бороться. Понятно, в силу этого дальнейшая ликвидация утопии наталкивалась на непреодолимые препятствия. Эволюция России в сторону социализма, по мнению лидера меньшевиков, была возможна только, если «европейский Запад, в лице его наиболее передовых стран, стоит накануне крупных социалистических преобразований, связанных с переходом власти в руки пролетариата». Изолированно от Европы задача социализма в России не могла быть решена. Были и внутренние препятствия на пути развития революции: НЭП с самого начала вступил в непримиримое противоречие с политикой надстройки, созданной для проведения совершенно противоположных коммунистических задач. Отсюда следовал важный и смертельный для власти политический вывод об утраты диктатурой в новых условиях своего оправдания. Но при этом Мартов был очень осторожным в выводах. Он не сомневался в падении политического коммунистического режима, но не брался гадать, как будет совершаться этот переход и какие силы приобретут господство в

государстве, ибо это зависело от целого ряда факторов [8; 4, 7, 10].

Даже в марте 1922 г. «Социалистический вестник» признавал, что революция стоит на распутье, когда «демократическая ликвидация большевистского периода русской революции становится вопросом жизни или смерти трудящихся масс и, прежде всего, рабочего класса» [12, 3]. На распутье стояла и партия меньшевиков. Ю. Мартов в апреле 1922 г. признавал наличие в РСДРП группы партийцев, выступающей против линии ЦК на превращение большевистской диктатуры в социалистическую власть, основанную на «соглашении пролетариата с крестьянством». Для лидера меньшевиков было очевидным, что «борьба против большевистской диктатуры и бо-напартизма» должна включать в себя лозунги «демократической власти трудящихся» и «единого революционного фронта в России» [9; 6, 8].

В статье «Наша платформа», опубликованной в начале октября 1922 г., Мартов остался на прежних позициях в оценке Октябрьской революции 1917 г., расценивая ее как этап революции, «в основе своей буржуазной, несмотря на выдвинутые ей лозунги коммунизма и диктатуры пролетариата». Даже захват власти пролетариатом не способен, сам по себе, преодолеть ограниченность развития производительных сил страны. Только при совпадении русской революции с революцией на Западе, по убеждению Мартова, могло быть положено начало социализации российской экономики. Но завершившаяся первая стадия мирового кризиса капитализма отбросила европейский пролетариат назад с позиций 1918-1919 гг. Отсюда следовало, что восстановление разрушенного народного хозяйства России будет вынуждено осуществляться «преимущественно на капиталистических началах». Кроме того, если в годы Гражданской войны политическая линия партии меньшевиков строилась из признания большевиков защитниками основ революции от реставрации, то осенью 1922 г. рамки этой поддержки оказались «чрезвычайно суженными». Но при этом Мартов остался твердым противником «революционного свержения советской власти» [10, 4-6].

Отстаивая свои политические позиции Заграничная делегация ЦК РСДРП и «Социалистический вестник» начали поход против правоменьшевистской «Зари», несмотря на то, что в России, по утверждению печатавшегося в «Заре» Л. Исаева, позиция ЦК РСДРП имела довольно много противников. Меньшевистский ЦК пошел даже на исключение из партии Маслова, но не смог исключить Аксельрода, который обрушился с резкой критикой на ряд положений ЦК, «начиная от пресловутого «соглашения с большевиками» в русском масштабе и кончая позорной комедией «единого фронта» в масштабе международном». В свою очередь Исаев довольно резко оценил выход РСДРП из II Интернационала [5, 110-111].

Серьезные противоречия между лево- и правоориентированными меньшевиками, возникшие еще в России и сохранившиеся в эмиграции, подрывали позиции меньшевизма как социал-демократического течения.

В условиях отсутствия внутривнутрипартийного единства и общей линии в стратегии и тактике, меньшевики не имели шансов вернуться в политическую жизнь Советской России даже в условиях экономической разрухи в стране, вызванной большевистской политикой военного коммунизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абрамович Р. Отступление или выпрямление линии // Социалистический вестник. 1921. № 11.
2. Абрамович Р. Отступление или выпрямление линии // Социалистический вестник. 1921. № 12.
3. Грозное предостережение // Социалистический вестник. 1921. № 4.
4. Далин Д. Кризис НЭПа // Социалистический вестник. 1922. № 15.
5. Исаев Л. Письма о тактике // Заря. 1922. Берлин. № 4.
6. Кронштадт // Социалистический вестник. 1921. № 5.

7. Мартов Л. Диалектика диктатуры // Социалистический вестник. 1922. № 3.
8. Мартов Л. На пути к ликвидации // Социалистический вестник. 1921. № 18.
9. Мартов Л. К вопросу о задачах партии // Социалистический вестник. 1922. № 7.
10. Мартов Л. Наша платформа // Социалистический вестник. 1922. № 19.
11. Пути революции // Социалистический вестник. 1921. № 2.
12. Пятая годовщина революции // Социалистический вестник. 1922. № 5.
13. Русский рабочий при «государственном капитализме» // Социалистический вестник. 1921. № 19.
14. Социализм и классы в России // Социалистический вестник. 1921. № 6.
15. Соглашение с крестьянством // Социалистический вестник. 1921. № 6.
16. Экономика и политика // Социалистический вестник. 1921. № 1.

A. Gavrilov

THE “WAR COMMUNISM” IN THE ESTIMATIONS OF THE MENSHEVIKS-EMIGRANTS (ON THE MENSHEVIKS’ PRESS)

Abstract: The article dedicates to the topical scientific and social question: the estimations of the Bolsheviks’ state’s policy (during the Civil war) of the “war communism”, represented on the pages of the emigrants’ press by the leaders of menshevism in the early 1920s. In this work the author analyses the articles published in “The Socialist Bulletin” and “Zarya” in the situation when the “war communism” was replaced with New Economic Policy (NEP). The article contains the opinion of mensheviks-emigrants on the “war communism” as an economic and social Utopia which led Russia to the economic chaos. Besides the author shows that mensheviks continued to present themselves as antagonists of the forcible upheaval against the weakened (because of the “war communism”) Soviet state. Key words: Bolshevik dictatorship, “war communism”, Utopian regime, mensheviks-emigrants.

Key words: Publicism, Bolshevik dictatorship, military communism, utopian mode, Mensheviks-emigrants.